

В конце концов, Цзи Ван на самом деле не сделал двухсот отжиманий. Как он и думал, другие гости пришли, чтобы уладить ситуацию. Ци Боянь равно отдал рыбу их группе и не спрашивал ответа Цзи Вана.

Чжан Мусянь разогрел атмосферу и сказал:

— По внешнему виду не скажешь, что наш Сяо Цзи на самом деле хороший человек с глубокой любовью.

Цзи Ван на самом деле был не в настроении есть, но перед камерой он притворился, что еда была вкусной, избегал темы своего бывшего и даже пошутил:

— Разве это не просто двести отжиманий? Если бы ты не остановил меня, я действительно мог бы это сделать.

Чжэн Цихун это позабавило, а Дуань Инью поддразнил:

— Тогда сделай это.

Цзи Ван притворился серьезным и сказал Дуань Инью:

— Дело не в том, что я не могу этого сделать, но я боюсь, что после этого наша команда потеряет всю свою боевую эффективность. Что будет в следующей игре?

Дуань Инью бесцеремонно сказал:

— Да ладно, кто был черной дырой, который проиграл несколько игр подряд днем?

Цзи Ван притворился глупым:

— Кто это был? Я слишком серьезно играл, чтобы заметить.

Чжэн Цихун осторожно выбрала рыбные кости и разделила рыбу по тарелкам двух своих младших братьев:

— Перестаньте спорить, просто в следующий раз старайтесь усерднее.

Закончив говорить, Чжэн Цихун сказала Чжоу Чусюэ:

— Вам хватает людей? Могу я прийти к вам?

Дуань Инью быстро обнял Чжэн Цихун:

— Крестная! Куда ты хочешь пойти? Пожалуйста, проснись, ты наш капитан!

Чжэн Цихун с сожалением сказала:

— Если бы мои навыки в игре в камень-ножницы-бумага были лучше, я бы никогда не опустилась до такого уровня.

Все продолжали болтать и смеяться, а атмосфера оживилась. Позже Чжан Мусянь поднял несколько классических тем для дебатов. У гостей у каждого было свое мнение, и хорошее развлекательное шоу почти превратилось в шоу дебатов.

Гости, естественно, говорили обо всем, от знаков зодиака до интересных вещей, с которыми они сталкивались в работе. Режиссер Цзян не перебивал и позволил им развивать направление.

Чжэн Цихун не говорила о жизненной философии с позиции старшей. Она была очень дружелюбным человеком, который заставлял людей чувствовать себя ближе к ней.

Возможно, потому что она не была замужем, ее менталитет был довольно либеральным, и она не была упрямой по многим вопросам.

Чжоу Чусюэ была молода, и все вопросы, которые она задавала, были о любви. Она хотела знать, действительно ли Чжэн Цихун за все эти годы так и не встретила никого, кого любила, или она просто решила не выходить замуж.

Что касается любовного опыта Чжэн Цихун, в первые годы светские хроники писали всякое. Некоторые утверждали, что она испытала сердечную боль после того, как влюбилась в режиссера фильма «Забыть о реке», и больше никогда не вступала в отношения.

Некоторые люди говорили, что Чжэн Цихун давным-давно состояла в тайном браке и у нее были дети, а некоторые даже утверждали, что ей не нравятся альфы или беты, а только омеги.

Были разные мнения, но определенного утверждения не было.

Чжэн Цихун великодушно сказала:

— Конечно, я встречала людей, к которым испытывала определенные чувства. Просто то, что мне кто-то нравится, не означает, что я хочу выйти за него замуж.

Как будто у нее внезапно возникло желание поговорить, Чжэн Цихун сказала:

— На самом деле, в этом возрасте иногда я жалею, что не была импульсивной в молодости. Я не сделала некоторых вещей, которые хотел сделать, и не удержала тех людей, которых хотела удержать.

Это было сказано двусмысленно, и остальные проявили благоразумие и не стали задавать дополнительных вопросов.

В конце концов, вы можете спросить об истории чьих-то отношений, но если вы начинаете

выяснить, кем был другой человек, это немного переходит все границы. Если люди не проявляют инициативы, чтобы рассказать вам, не давите на них. Все здесь были артистами, а не папарацци.

Как чистая богиня, Чжоу Чусюэ, естественно, сказала, что у нее не было истории отношений. Хотя у Цзи Вана не было этого бремени, Сяо Сюй за пределами сцены уже поднял руки и сделал перекрестный жест, что означало, что он не должен вмешиваться в эту тему.

Не говоря уже о Дуань Инью и Ци Бояне, многие из их фанатов не были бы рады услышать о романтической истории своих кумиров.

Хотя все знали, что влюбляться — это в природе человека.

Однако Чжан Мусянь не скрывал своих чувств. Говоря о своей бывшей, он только сказал, что все закончилось мирно и что они вдвоем время от времени выходят куда-нибудь выпить чашечку чая.

Дуань Инью с любопытством спросил:

— Действительно ли существует такая вещь, как мирное расставание?

Чжан Мусянь сначала хотел ударить его по голове, но Дуань Инью ловко уклонился от этого. Чжан Мусянь первым убрал свою руку:

— Потому что чувства между двумя сторонами угасли, и они чувствуют, что больше не подходят в качестве любовников, поэтому мирно расстаются. Напротив, у тех, кто вызывает огромный переполох после расставания, это означает, что они все еще любят друг друга. По крайней мере, один из них все еще любит другого, и все, что они делают, происходит потому, что они не хотят расставаться.

Закончив говорить, Чжан Мусянь добавил:

— Это всего лишь личное мнение, кто-то может не согласиться.

Дуань Инью задумался, а Ци Боянь почти не разговаривал с тех пор, как поднял эту тему. Услышав, что сказал Чжан Мусянь, он усмехнулся.

Чжоу Чусюэ повернула голову, увидела это и с любопытством спросила:

— Старший, над чем ты смеешься?

Ци Боянь достал свою гитару:

— Вы продолжайте общаться, а я обеспечу музыкальное сопровождение?

Видя, что Чжоу Чусюэ все еще смотрит на него, Ци Боянь подмигнул:

— Не спрашивай, если спрашиваешь, я не встречался. Мне двадцать пять лет, и у меня никогда не было отношений.

Все разразились смехом. Ци Боянь начал перебирать струны, затем добавил:

— Но я действительно хочу жениться. Я хотел жениться, когда мне было восемнадцать.

Это было немного откровенно. Даже Чжан Мусянь, который привык быть ведущим, не знал, как на это ответить. Ци Боянь сказал:

— Теперь я мог бы подождать до тридцати, чтобы жениться.

Дуань Инью осторожно сказал:

— Осталось всего пять лет. У тебя есть план?

Ци Боянь подмигнул в камеру:

— Да, если многоженство не является преступлением, я обязательно женюсь на «мятных леденцах».

«Мятные леденцы»* было прозвищем фанатов Ци Бояня, и он пошутил, чтобы развлечь своих поклонников.

ПП: Прежде я перевела это как «Мята перечная», но все же тут больше подходит вариант «Мятный леденец». Пожалуйста, не путайте. В предыдущие главы тоже внесла корректировки.

Цзи Ван невольно прижал руку к груди и прикоснулся к пустому пространству. Ничего не было. Не было ни цепочки, ни кольца, прикрепленного к цепочке.

Он убрал его перед тем, как прийти на это шоу, и положил дома в прикроватную тумбочку, в нижний ящик, надежно спрятав.

Кольцо было как нечто, что нельзя показывать. На самом деле каждую деталь кольца Цзи Ван сделал сам.

Он расплавил серебряный замок долголетия, оставшийся от родителей, и переделал пару колец, рассматривая их как значимый подарок от родителей для их будущей «невестки», пару значимых колец.

В то время он думал, что, хотя он не мог дать Ци Бояню многого, Ци Боянь должен был иметь то, что было у других.

Но это было раньше, когда Цзи Ван думал, что Ци Боянь — омега. Узнав, что Ци Боянь — альфа, эта мысль исчезла.

Юридически не существовало закона, касающегося брака альфы с альфой или омеги с омегой. Поскольку таких пар было очень мало, даже если появлялись сообщения в новостях, это все были негативные новости.

В конце концов, даже если у такого типа пар была любовь, неконтролируемые инстинкты во время гона, течки и феромонов были более страшными, чем внешнее давление.

После того, как омега решает быть с омегой, что ему следует делать, если он встретит своего предназначенного альфу?

Да, альфа и омега могли иметь 100% совместимость, обычно известные как предназначенные партнеры. Эта связь была более чистой и обязывающей, чем брачный контракт и юридические отношения.

Не было ничего необычного в том, что после того как две омеги сошлись, родители обеих сторон узнавали об этом и одну из них заставляли быть отмеченной альфой, в итоге приводя к тому, что обе погибали вместе во имя любви.

Однако в глазах обычных людей немногие реагировали с сочувствием, а большинство реагировало жестко. Наблюдатели в той или иной степени не могли понять их любовь.

На самом деле, гораздо более распространенным явлением было то, что после того, как альфа и альфа сходились, они осознавали, что омеги лучше. Или, после того как омега и омега вступали в отношения, они не могли контролировать свои инстинкты и влюблялись в альфу.

С течением времени такая «однополая» любовь становилась просто вопросом увлечения и не могла восприниматься всерьез. Все просто развлекались и в конечном итоге возвращались к нормальной жизни.

Когда-то давным-давно Цзи Ван был одним из таких нормальных людей, пока не встретил Ци Бояня, который притворился омегой и обманул его.

В день, когда он обнаружил, что Ци Боянь — альфа, Цзи Ван только что отпраздновал свое девятнадцатилетие, и Ци Боянь преподнес ему такой большой «сюрприз».

Он сидел на мягком одеяле с ноющей поясницей. Волосы Ци Бояня рядом с ним разметались и закрывали его лицо. Его белоснежная спина была исцарапана большими красными отметинами.

Цзи Ван некоторое время пребывал в оцепенении. Наконец, он с трудом встал с почти сломанной спиной и потянулся к прикроватной тумбочке за пачкой сигарет.

Он бросил курить из-за Ци Бояня и снова начал курить из-за него.

Ци Боянь проснулся от запаха сигарет с плохим настроением:

— Ты что, специально это делаешь?

Цзи Ван инстинктивно затушил сигарету, слегка пошевелился и почувствовал, как что-то

вырывается из его внутреннего мира... Цзи Ван замолчал и произнес хриплым голосом:

— Ты альфа.

взъерошил свои волосы. Он не чувствовал никакой вины за то, что обманывал Цзи Вана все это время. Он небрежно хмыкнул:

— Да, и что с того?

Цзи Ван обнаружил, что не может угнаться за ходом мыслей Ци Бояня. Что он имеет в виду под «и что с того»? Были ли люди, играющие рок, более несдержанными и лишенными элементарного здравого смысла?

Ци Боянь наклонился к Цзи Вану с нежностью, прижав щеку к его груди и обняв его за талию, как раньше. Он напоминал каждую омегу с тонким и мягким телом, прижавшуюся к альфе.

— Разве ты не говорил, что любишь меня? Я не омега, значит, ты меня больше не любишь? — произнес Ци Боянь, растягивая слова, кокетливым тоном, словно пытался выкрутиться.

Цзи Ван оттолкнул Ци Бояня, все еще находя это трудным для принятия:

— Дай мне подумать об этом.

Выражение лица Ци Бояня изменилось:

— О чем еще тебе нужно подумать?

У Цзи Вана разболелась голова, и он сказал:

— Моей мечтой было жениться на омеге. Я всегда думал, что ты омега, но ты...

Цзи Ван не произнес следующих слов, но Ци Боянь их ясно понял.

С холодным лицом он откинул одеяло и встал с кровати, подставляя свое красивое тело нежному свету раннего утра. Это была сцена, которая часто появлялась во влажных снах Цзи Вана.

Но во сне у него не было тела, которое было доведено кем-то до изнеможения.

Ци Боянь грубо надел штаны и застегнул молнию:

— Я понял.

Цзи Ван неуверенно спросил:

— Что ты понял?

Ци Боянь взглянул на него безразлично, как будто человек, сидящий на кровати, был не его парнем, с которым он только что провел первую ночь, а незнакомцем:

— Разве ты просто не хочешь расстаться со мной?

Цзи Ван был ошеломлен, каждая капля крови, казалось, замерзла, и он не мог даже говорить связно:

— Расстаться.

Он сказал это очень тихо. На самом деле, он просто повторил это слово, которое удивило его, но Ци Боянь неправильно понял значение.

Ци Боянь наклонился, чтобы поднять рубашку, надел ее и застегнул одну за другой пуговицы:

— Хорошо! Как хочешь.